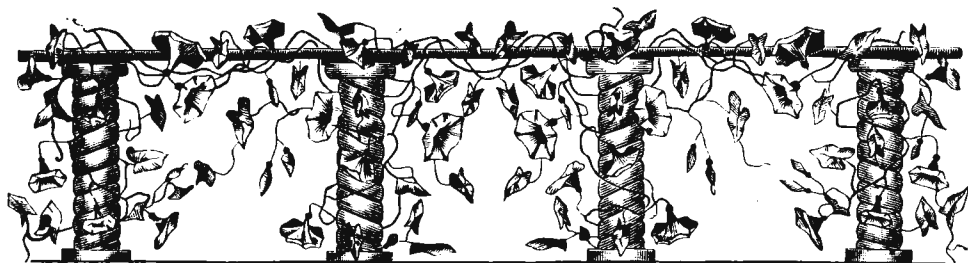

О КОНЧИНѢ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался сегодня въ часъ ночи; и я чувствую себя настолько убитой словно намъ не пришлось пережить восьмидневной агоніи, когда все время находились между надеждой и отчаяніемъ. Въ среду утромъ врачи произнесли смертный приговоръ; въ тотъ же день вечеромъ ему стало настолько лучше, что они заявили, что онъ спасенъ, и имѣли жестокость сказать объ этомъ Матери. Но ночь со среды на четвергъ прошла ужасно безпокойно, а къ утру сдѣлалось новое кровоизліяніе въ мозгъ. Весь четвергъ онъ провелъ въ бреду, хотя и узнавалъ подходившихъ къ нему лицъ, а особенно свою Мать, которой, наконецъ, и поручили остаться при немъ. Въ пятницу, подъ утро, онъ уснулъ. Онъ спалъ всю ночь и весь слѣдующій день— пятницу, и самъ просилъ, чтобы его оставили совершенно одного, потому что онъ хотѣлъ спать. Врачи опять стали надѣяться. Въ субботу пріѣхалъ Императоръ съ сыновьями и бѣдной маленькой Невѣстой, которую онъ встрѣтилъ въ Дижонѣ. Она имѣетъ видъ нѣжнаго пятнадцатилѣтняго ребенка съ прелестнымъ личикомъ, все очарованіе котораго заключается въ великолѣпныхъ, большихъ черныхъ глазахъ, смотрящихъ прямо въ душу. Суббота прошла очень безпокойно, мысли его все болѣе и болѣе путались, и онъ съ пятницы вечера больше не спалъ.

Увидавъ Отца, онъ смутно узналъ его, не обративъ вниманія на его пріѣздъ, какъ человѣкъ, у котораго еще есть впечатлѣнія, но мыслей больше нѣтъ.

Къ вечеру онъ успокоился. Императрица легла спать, приказавъ разбудить себя къ 4-мъ часамъ, потому что Гартманъ сказалъ, что къ этому времени ему опять будетъ хуже. Дѣйствительно, какъ только она снова была возлѣ него, онъ пришелъ въ полное сознаніе. Началъ цѣловать ей руки, цѣлуя отдѣльно каждый палецъ, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ, и сказалъ ей: *„Прощай Ма, жаль мнѣ тебя, бѣдная*

Les derniers moments du Grand Duc Héritier NIKOLAS ALEXANDROVITSCH.

Le G. D. Héritier est mort cette nuit à 1 heure et je me sens aussi atterrée que si nous n'avions pas passé par huit jours d'agonie, toujours flottant entre l'espérance et le désespoir. Mercredi matin les médecins avaient prononcé l'arrêt fatal, mercredi soir il y eut un mieux si prononcé qu'ils le déclarèrent sauvé, et eurent la cruauté de le dire à la mère. Mais la nuit de mercredi à jeudi fut horriblement agitée, et vers le matin il y eût un nouvel épanchement au cerveau. Il passa jeudi à délirer, bien qu'il reconnût les personnes qui s'approchaient de lui et surtout sa mère, qu'on avait engagée enfin à rester auprès de lui. Le Vendredi vers le matin il s'assoupit. Il dormit toute la nuit et la journée de Vendredi, demandant lui-même qu'on le laissât tout-à-fait seul, parce qu'il voulait dormir. Les médecins reprirent espoir. Le Samedi L'Empereur arriva avec ses fils et la pauvre petite Promise, qu'il avait rencontré à Dijon. Elle a l'air d'une enfant de 15 ans. très fine et délicate, petite et un petit visage charmant, dont tout le charme est dans de magnifiques et grands yeux noirs qui parlent à l'âme. Le Samedi fût très agité, les idées s'embroiillaient de plus en plus, et il n'avait plus dormi depuis Vendredi soir.

Quand il vit son père, il le reconnut vaguement sans faire d'observation sur son arrivée, comme un homme qui a encore des impressions, mais plus d'idées.

Vers le soir il se calma. L'Impératrice alla se coucher avec ordre de se faire réveiller à 4 h. parce que Hartman prévoyait que cette heure là pouvait être mauvaise. En effet, à peine était elle auprès de lui, que soudain le malade reprit toute sa lucidité. Il se mit à lui baiser les mains en baisant chaque doigt, comme il avait l'habitude de le faire avec elle. et lui dit: „*Прощай Ма. жаль мнѣ тебя, бѣдная Мамаша!*“

Мамаша!“ Гартману, который въ это время подошелъ, онъ сказалъ, показывая на Мать: „*Прощайте, прощайте, ухаживайте за ней хорошенько*“.

Позвали Императора. На этотъ разъ онъ его узналъ, бросился къ нему на шею и долго держалъ его въ объятіяхъ; потомъ поцѣловалъ ему руки, цѣлуя каждый палецъ.

Подошелъ его братъ Александръ, онъ сказалъ Отцу: „*Вотъ это славный человекъ, бери его*“.

Увидя другихъ братьевъ, онъ воскликнулъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы показать, что находитъ ихъ выросшими. Между тѣмъ подошла маленькая Невѣста. Ему сказали, что она здѣсь. Тогда его лицо озярилось радостью, онъ долго держалъ ее въ объятіяхъ, повторяя: „*Моя мимя, душики моя, ангель мой*.“ Потомъ сказалъ Отцу: „*Не правда-ли, какъ она мима?*“ Его спросили, не хочетъ ли онъ причаститься. Онъ съ радостью согласился. Онъ уже не могъ исповѣдываться, но когда ему читали молитвы, онъ схватилъ *епитрахиль*, и долго прижималъ ее къ сердцу; принимая Причастіе, ему показалось, что на губахъ его осталась одна крошка, и онъ попробовалъ вытереть ее *пеленою*. Когда стали читать молитву послѣ Причастія, лицо бѣднаго умирающаго было залито слезами и до такой степени сіяло радостью, что священникъ сказалъ, что ему никогда не приходилось видѣть у умирающихъ такого счастливаго выраженія лица.

Онъ еще долго держалъ въ объятіяхъ Невѣсту. Отецъ и Мать благословили его, а затѣмъ повернулись, чтобы дать благословеніе слѣдующему сыну, который стоялъ рядомъ, окаменѣвъ отъ горя, потому что этотъ братъ былъ для него всѣмъ, что онъ только любилъ на свѣтѣ.

Послѣ Причастія, Наслѣдникъ сдѣлалъ рукою знакъ всѣмъ присутствующимъ, и нѣсколько разъ повторилъ громкимъ голосомъ: „*Прощайте, прощайте, прощайте!*“ Мало-по-малу мысли его путались, но я слышалъ, какъ онъ еще разъ сказалъ: „*Извините меня всѣ*“, и затѣмъ позднѣе: „*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!*“ Это было въ 9 часовъ утра. Потомъ онъ говорилъ все меньше и безсвязнѣе, два раза онъ заснулъ, у врачей еще оставалась слабая надежда спасти его, и я думалъ, что Господь совершитъ это чудо и оставитъ его намъ въ воздаяніе за наши горячія молитвы. Мы должно быть очень согрѣшили передъ Богомъ, если усердныя молитвы всей Россіи не могли дойти до Него. Въ три часа насъ въ первый разъ позвали къ *отходной*. Молились долго, больной былъ очень возбужденъ мускусомъ, который ему давали безпрестанно. Врачи сказали, что такъ будетъ продолжаться до вечера. Въ 7½ ч. началась настоящая агонія: больной уже ничего

A Hartman qui s'approchait en ce moment il dit: „Adieu, adieu, soignez—la bien“ (en moutrant sa mère).

On appela l'Empereur. Cette fois ci il le reconnut, se jeta à son cou et le tint longtemps embrassé: puis il lui baisa les mains et tous les doigts.

Son frère Alexandre s'approcha—il dit à son père: „*Вотъ это славный человекъ, беретъ его.*“

En voyant les autres frères, il fit une exclamation et un geste pour montrer combien il les avait trouvés grandis. Sur ces entrefaites la petite Promise était arrivée. On lui dit qu'elle était là. Alors son visage s'alluma de joie il la tint longtemps embrassée, la couvrant de baisers et répétant. „*Моя милая, душка моя, ангелъ мой.*“ Puis il dit à son père: „*Неправда ли, какъ она мила?*“ On lui demanda s'il voulait communier. Il y consentit avec joie. Il ne pût plus confesser, mais pendant qu'on lui lisait les prières, il saisit l'*епитрахиль*, et la tint serrée contre son coeur; en prenant la Communion il lui sembla qu'une miette était restée sur ses lèvres et il s'efforça de l'essuyer avec la *пелена*. Quand on dit la prière après la Communion, son pauvre visage mourant fût inondé de larmes, et tellement illuminé de joie, que le prêtre dit n'avoir jamais vu à un mourant une figure si rayonnante de bonheur.

Il tint encore longtemps sa Promise embrassée. Le père et la mère le bénissaient, et après avoir béni le mourant, ils se détournèrent de là pour donner la bénédiction au fils qui succède et qui se tenait là, anéanti de douleurs, car ce frère était tout ce qu'il aimait au monde.

Après la Communion, l'Héritier fût un geste de la main à tous les assistants et répéta à plusieurs reprises à très haute voix: „*Прощайте, прощайте, прощайте!*“ peu à peu ses idées s'embrouillèrent mais je l'entendis encore une fois dire: „*Извините меня все*“ et puis, plus tard: „*Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!*“ C'était à 9 heures du matin. Plus tard il parla toujours moins et des mots de plus en plus incohérents: il s'assoupit deux fois. Les médecins avaient encore un reste d'espoir de le sauver et je croyais que Dieu ferait ce miracle et le rendrait à nos instantes prières. Il faut que nous ayons bien péché devant Dieu, pour que les prières de toute la Russie, si ferventes, n'aient pu monter jusqu'à Lui. A trois heures on nous fait venir la première fois pour l'*отходная*. On pria longtemps, le malade était très agité par le musc qu'on ne cessait pas de lui donner. Les médecins dirent que cela durerait jusqu'au soir. A 7^{1/2} h. la véritable agonie commença; le mourant

не видѣлъ и не слышалъ, но ужасно стоналъ, началась предсмертная икота. Ужасна была борьба между смертью и такой молодой жизнью. Мы всё были тутъ у изголовья больного. Императрица стояла въ ногахъ, Императоръ съ одной стороны постели, съ другой—Великій Князь Александръ и маленькая Невѣста. Они держали умирающаго за руку. Бѣдное Дитя! нѣсколько разъ хотѣли увести, но она сказала съ удивительнымъ спокойствіемъ и твердостью: „*Нѣтъ, ничто не заставитъ меня уйти, онъ меня узнаетъ, онъ мнѣ улыбается и ласкаетъ меня.*“ Съ 7¹/₂ ч. до послѣдней минуты она сама вытирала черную пѣну, вытекавшую изъ устъ умирающаго послѣ каждаго приступа икоты. Потомъ она цѣловала ему руки и клала свое молодое, очаровательное личико рядомъ съ лицомъ умирающаго, дѣлала это такъ спокойно и нѣжно..... Четыре раза начинали читать напутственныя молитвы. Я ничего не скажу тебѣ объ Императрицѣ. Этотъ сынъ былъ ея радостью, ея гордостью, онъ былъ для нея всѣмъ. Эти муки длились *шесть* часовъ. Стоны становились все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе, икота все сильнѣе и сильнѣе. Мы молили Бога освободить его. Наконецъ, началось предсмертное хрипѣніе, которое длилось цѣлый часъ. Когда онъ испустилъ духъ, Императоръ, Императрица, невѣста и братья съ криками бросились къ тѣлу, это была одна изъ тѣхъ минутъ..... Императоръ унесъ Императрицу, лишившуюся чувствъ. Но Малютку нельзя было оторвать отъ тѣла, она покрывала его поцѣлуями и цѣплялась за него. Не пришлось, наконецъ, увести насильно. Говорятъ, что съ самой своей помолвки она, ложась спать, всегда клала подъ подушку его письма. Когда въ Копенгагенѣ было получено извѣстіе о томъ, что жизнь его въ опасности, она настояла на томъ, чтобы за него молились въ Русской церкви, хотя всё были противъ этого, считая, что бракъ не состоится. Вчера она тоже крестилась по-Русски. Да пошлетъ Господь силъ и смиреніе Императрицѣ. У Императора характеръ такой нѣжный и смиренный, онъ благодарить Бога за то, что пріѣхалъ во-время и успѣлъ благословить своего сына; но для него этотъ сынъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Матери. Теперь она провела восемь ночей, не раздѣваясь и безъ сна.

ne voyait plus et n'entendait plus, mais il gémissait horriblement et avait le terrible hoquet de la mort. La lutte entre la mort et tant de vie et de jeunesse était terrible. Nous étions tous là!—au chevet du malade—l'Impératrice à ses pieds, l'Empereur d'un côté, et de l'autre du lit le G. D. Alexandre et la petite Promise, tenant chacun une main du mourant. On avait voulu à plusieurs reprises emmener la pauvre Enfant, mais elle avec un calme et une fermeté admirable disait: „Non, rien ne me forcera de m'en aller, il me reconnaît, il me sourit et me caresse“. C'est elle qui de 7¹/₂ h. jusqu'à l'heure de la mort essayait la bave noire qui s'échappait de la bouche de mourant, après chaque hoquet. Puis elle baisait ses mains et mettait sa jeune et charmante tête près de la figure du mourant, avec tant de calme et de douleur.... Quatre fois on commença à lire les prières des agonisants. Je ne te dis rien de l'Impératrice. Ce fils était sa joie, son orgueil, son tout. Ce supplice dura six heures. Les gémissements devenaient de plus en plus douloureux, le hoquet plus intense. Nous demandions avec supplication à Dieu de le délivrer. Enfin le râle commença, qui dura bien une heure. Quand il expira, l'Empereur, l'Impératrice, la Promise et les frères se jetèrent avec des cris sur le corps, et ce fut un de ces moments.....l'Empereur emporta l'Impératrice défaillante. Mais on ne put arracher la Petite de ce corps, elle le couvrait de baisers et s'y cramponnait. Il fallait enfin l'emporter de force. On dit que depuis son promisat elle a toujours couché avec ses lettres sous son oreiller. Quand la nouvelle arriva à Copenhague de son danger, elle insista pour avoir des prières à l'église russe, bien que tout le monde s'y apposât, considérant que le mariage n'aurait plus lieu. Hier elle faisait aussi le signe de la croix russe. Dieu donne à l'Impératrice la force et la résignation. L'Empereur a une nature bonne et si humble, il remercie Dieu d'être arrivé à temps encore pour bénir son fils; mais ce fils n'était pas pour lui ce qu'il était pour sa mère. Elle a passé maintenant huit nuits sans se déshabiller et sans dormir.

